

„Покрывало Пьеретты“

(Ка генеральной.)

На вчерашней генеральной репетиции «Покрывала Пьеретты» в Свободном театре обычная публика: в первых рядах А. Н. Скрябинъ, К. С. Станиславскій, В. И. Качаловъ, А. А. Стаховичъ, Л. А. Леонидовъ, А. Л. Вишневскій, М. М. Мордкинъ, нѣсколько лицъ изъ Малаго театра, кое-кто изъ московскихъ драматурговъ, журналисты, жены артистовъ и масса театральной молодежи.

Время-отъ-времени въ зрительный залъ выбѣгаетъ К. А. Марджановъ съ ружьёмъ на перевязи.

Начали спектакль симфонической поэмой «Смерть и просвѣтленіе», Р. Штрауса, исполненной въ полутемнотѣ.

Первый актъ пантомимы оставилъ публику холодной. Проходить онъ въ слегка сумрачной, строгой обстановкѣ съ излюбленными Марджановымъ свѣтовыми эффектами, исключительно до мерцающихъ звѣздъ изъ «У жизни въ лапахъ». За то второй актъ съ своими ярко-пестрыми парчовыми костюмами на фонѣ декораций подъ старое серебро, съ своей напряженной музыкой, эффектными труппировками танцующихъ вызываетъ аплодисменты, еще до того момента, какъ опускается занавѣсъ. Третій актъ опять понижаетъ настроеніе.

Сущность оживленныхъ бесѣдъ въ антрактахъ сводится къ большой похвалѣ музыкѣ Донани, который далъ не только благодарный матеріалъ для пантомимы, но и вообще прекрасные образцы описательной музыки. Знатоки указывали на заключительный галопъ 2-го акта и вальсъ сумасшедшей Пьеретты въ 3-емъ актѣ. Изъ исполнителей назвали г. Чаброва (Арлекинъ) во 2-мъ дѣйствіи.

Марджанову ставили упрекъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ изъ бездѣлушки камернаго характера, какой является «Покрывало Пьеретты» Шнидлера сдѣлалъ постановку à grand spectacle.

Между прочимъ. Говорили о томъ, что вся исторія Пьерро должна считаться усвоенной въ Россіи въ своемъ романтическомъ прообразѣ, а отнюдь не въ нѣмецкой передачѣ. А это, якобы, обязываетъ переводчика пашквать покругу Пьерро не Пьереттой, а Коломбинтой. Это не безъ доли придирчивости, но и не безъ мѣткости.

Танцевъ въ постановкѣ Свободнаго театра немного. Да и тѣ сводятся къ несложному вальсу и простѣйшимъ balabile. Все отъясно, или, по крайней мѣрѣ, предназначено мимодрамѣ.

А. А. Ч—нъ.

„Покрывало Пьеретты“.

На генеральной репетиціи въ Свободномъ театрѣ.

„Пантомима есть подслушанное мышленіе, оно начинается и кончается прежде, чѣмъ слова возникли, въ болѣе глубокомъ сознаніи, чѣмъ сознаніе рѣчи“.

Эту цитату изъ Артура Симонса, какъ девизъ спектакля, Свободный театръ помѣстилъ на программахъ „Покрывала Пьеретты“.

Исполненію трехактной пантомимы Шнидлера руководители театра предпосылаютъ симфоническую поэму Р. Штрауса „Смерть и просвѣтленіе“. Она должна ввести зрителя въ атмосферу внутреннихъ переживаній. Но оркестру не удалось выразить ни идеи, ни характера штраусовской поэмы.

Совсѣмъ слабо прошелъ прологъ къ пантомимѣ, написанный звучными стихами Ю. К. Балтрушайтиса. Туманное очертаніе фигуры Сивиллы на темно-бархатномъ фонѣ—недурный режиссерскій фокусъ, но мистика въ общей картинѣ пролога нѣтъ.

Къ постановкѣ „Покрывало Пьеретты“ могутъ быть два подхода; постановка В. Мейерхольда въ изысканно-прямомъ „Театрѣ Интермедіи“ была вся пронизана таинственными лучами мистицизма, —вѣнские режиссеры ставятъ „Покрывало Пьеретты“ съ большой земной, реальной окраской.

Режиссеры Свободнаго театра взяли средній путь, и это вышло очень удачно.

Второй актъ—лучшее мѣсто постановки. Прекрасная мысль расположить танцующихъ на ступеняхъ. Эффектно и красиво сліяніе темно-серебряныхъ колонъ съ яркими красками парчевыхъ костюмовъ.

Тотчасъ же по открытіи занавѣса въ краскахъ, движеніяхъ и ритмѣ всей сцены бала зритель улавливаетъ и заражается жутью ожиданія. Вся толпа танцующихъ, гостей и музыкантовъ четко передаетъ каждый моментъ нарастанія драмы.

У исполнителя музыкальной мимодрамы прежде всего должно быть огромное чувство ритма.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ участвующихъ въ „Покрывалѣ Пьеретты“ на должной высотѣ только г. Подгорѣцкій (Арлекинъ). Артистъ быть музыкантомъ въ каждомъ своемъ движеніи. Драматическая сторона исполненія очень хороша. Густая, сочная краски вышшняго облика, соединяясь съ глубиной внутренняго переживанія, давали жуткій, мистическій образъ.

Лучшая сцена у г-жи Кооненъ (Пьеретта)—сцена бала. Артистка больше захватываетъ въ моментахъ пассивно-драматическихъ, нежели въ минуты сильныхъ внѣшнихъ проявляющихся страданій.

Хорошую внѣшнюю фигуру даетъ г. Кречетовъ (Пьерро).

У изысканной публики генеральной репетиціи спектакль имѣлъ несомнѣнный успѣхъ.

Можно было видѣть, особенно послѣ II акта, многихъ выдающихся дѣятелей театра, горячо аплодировавшихъ исполнителямъ.

М. Нир.